

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Босяк

Серия «Киевские типы», книга 8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2471615

Аннотация

«В Петербурге его называют „вяземским кадетом“, в Москве „золоторотцем“, в Одессе „шарлатаном“, в Харькове „раклом“. В Киеве имя ему „босяк“...»

Александр Иванович Куприн Босяк

В Петербурге его называют «вяземским кадетом», в Москве «золоторотцем», в Одессе «шарлатаном», в Харькове «раклом». В Киеве имя ему «босяк».

Жалкая фигура с зеленым, опухшим и лоснящимся лицом, украшенным синяками и кровоподтеками, с распухшим носом, отливающим фиолетовым цветом, с потрескавшимися синими губами... Голова уходит в приподнятые кверху плечи, руки плотно прижаты к трясущемуся на морозе телу, тщетно стараясь его обогреть и в то же время запахнуть расходящиеся полы одежды, ноги одна в калоше, другая в зияющей ботинке полусогнуты и стучат коленом о колено...

Вот внешний вид босяка, вид, к которому, для полноты картины, необходимо еще прибавить «нечто», надетое на туловище, весьма похожее на женскую кацавейку, висящее длинной грязной бахромой на рукавах и заплатанное на груди и спине случайными кусками брезента или выцветшего байкового одеяла...

Летом босяку живется лучше и привольней, сравнительно с зимою. Даровой ночлег всегда готов для него

или в кустах по берегу Днепра, или в Царском саду, где под густой тенью вековых лип можно найти уголок, недоступный для зорких полицейских глаз.

И работа всегда найдется летом для босяка, потому что хозяева барок, пристающих к Киеву, нуждаются постоянно в рабочих руках для разгрузки товара. Приходя рано утром на пристань, вся босая команда соединяется в плотную, дружную артель. Одного, наиболее влиятельного в их среде, самого грамотного, босяки избирают своим счетоводом, казначеем и отчасти даже распорядителем. Он уже не работает со всеми, а стоит на берегу с записной книжкой в руках и принимает от работающих товарищей вырученные ими деньги.

По окончании работ вся накопившаяся у казначея сумма делится аккуратно между членами артели или с общего согласия дружно пропивается в ту же ночь. Расчет ведется самым тщательным образом, и никому из босяков не придет в голову утаить хотя незначительную часть выручки. Действия артели основаны на строжайшем взаимном контроле и на честности, гарантированной двумя дюжинами крепких кулаков. Говорят, что в удачные дни заработка босяка простирается до трех рублей. Посторонний работник, знакомый с нравами босой команды, никогда не рискнет конкурировать с артелью.

Зато зимою босяку приходится очень туго, лишь изредка наворачивается дешевая работишка вроде рубки дров или очистки снега. Очень часто у него нет пятка для ночлежного дома, а в бесплатные приюты так много охотников, что они еще задолго до открытия ворот приюта стоят около них густою толпою. Хорошо еще, если ночная темнота и беспечность зазевавшегося дадут босяку возможность проскользнуть в чужой двор, устроиться на ночь в пустом сарае. В противном случае ему приходится бродить по улицам, согревая свое дрожащее тело у костров, если они зажжены.

Конечно, «кутузка» в этих тяжелых обстоятельствах является желательным и наилучшим исходом.

Зимою, под давлением нужды, босяк волей-неволей обращается к двум побочным промыслам: нищенству и воровству.

Ворует он, конечно, очень неловко. У него нет ни дерзости, ни навыка профессионального мазурика, и потому на первом же, по крайней мере на втором дебюте он попадает в руки полиции. Нищенствует же он гораздо успешнее, хотя и это ремесло требует ловкости и своеобразных технических знаний.

Особенно благоприятна для нищенства суббота. Этот день богобоязненные лавочники, в силу освященного давностью времени обычая, посвящают раздаче нищим медных денег и залежалых съестных

припасов. С самого раннего утра в субботу киевские улицы наводняются таким множеством хромых, слепых, безруких, одетых в страшные лохмотья субъектов, что незнакомый с обычаем наблюдатель только диву дается. Правда, вечером в тот же день половина этих калек каким-то чудом выздоравливает в «Зеленом кабинете» или в «Свидании друзей». Слепые прозревают, и хромые, откинув костыли и развязав согнутую ногу, откалывают трепака.

Иные, прося милостыню, бьют на оригинальность, прибегая или к возвышенному слогу, или к наивно-бесстыдной откровенности. «Господа почтенные, обращается босяк к подгулявшей компании, пожертвуйте пяточок на выпивку бедному учителю, изгнанному из службы за многочисленные пороки». Если же он бывший офицер, то непременно прибегнет к французскому языку:

– «Доне келькшоз пур повр офисье». ¹

Есть такие, которые произносят импровизированные речи.

– «Господа филантропы! Обратите внимание на мое исключительное бедственное положение. Получал когда-то сто рублей пьянствовал, получал двадцать пять пьянствовал. Теперь я, как видите, босяк и все-таки пьянствую. Да здравствует босая команда!»

¹ Подайте что-нибудь бедному офицеру – *искаж. фр.*

Не так давно один субъект мрачного вида и внушительного телосложения практиковал еще более оригинальный способ. Он на людной улице подходил к какому-нибудь хорошо одетому господину, провожавшему даму, и говорил ему с таинственным видом:

– Мусью, на два слова.

И когда недоумевающий прохожий, оставив свою даму, отходил в сторону, босяк самым решительным тоном высказывал категорический ультиматум:

– Рупь или в морду!

В публике почему-то укоренилось мнение, что среди босой команды влачат свое жалкое существование бывшие богатые помещики, гусарские офицеры, чуть ли даже не бывшие ученые, которых заставила так низко упасть слабость к спиртному. Без сомнения, эти слухи весьма преувеличены, однако в них есть доля правды: почти всегда между босяками есть пять-шесть человек, бывших когда-то учителями, армейскими капитанами, подающими надежды музыкантами... Но большинство членов босой команды все-таки составляется из пропившихся мастеров и подгородних крестьян, дошедших вследствие безработицы, лени или пьянства до ночлежного дома.

В босой команде есть и женщины, жалкие, бессмысленные создания, влачащие жизнь между кабаком и больницей... В двадцать пять лет они выглядят-

вают пятидесятилетними старухами. О них мы говорить не будем.

1896